

СВАДЕБНЫЙ ФОЛЬКЛОР НИЖНЕЙ ВЫЧЕГДЫ: РИТУАЛ КАК ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИИ

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ВЛАСОВ

(Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН:
Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4)

ЕКАТЕРИНА АНАТОЛЬЕВНА ДОРОХОВА

(Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН: Российская Федерация, 199034,
г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4; Центр русской фольклора ГРДНТ им. В. Д. Поленова:
Российская Федерация, 101000, г. Москва, Сверчков пер., 8, стр. 3)

***Аннотация.** Статья содержит краткое представление некоторых общих региональных и локальных этнографических и фольклорных особенностей нижневыхегодской свадьбы на Русском Севере. Авторы указывают на промежуточное её («пограничное») положение, определяют её значимость в понимании устной традиционной культуры Северной Двины, являющейся историко-культурной «осью» всего Русского Севера. Сумма традиционных знаний о нижневыхегодской свадьбе укладывается в общепринятый, стандартный и весьма ограниченный набор обрядово-ритуальных практик и фольклорных текстов, репрезентирующих культуру большинства и представляющих культурный «ресурс» традиции, способный только завести механизмы самоидентификации и самосохранения социума. Подчёркивается гендерный её характер как преимущественно «женского текста».*

***Ключевые слова:** свадебный фольклор, песенные жанры, память места, музыкальный код, коллективный причет, прощальные песни.*

Традиционная культура Русского Севера складывалась под воздействием множества факторов исторического, хозяйственного, конфессионального и иного характера в условиях интенсивных межэтнических контактов, благодаря чему мы можем говорить о существовании её региональных разновидностей. Одна из них локализована в нижнем течении Вычегды, правого притока Северной Двины.

Точно определить время, когда начали формироваться севернорусские фольклорные традиции, достаточно сложно. Массовые крестьянские переселения происходили вплоть до XVIII столетия, сменившись внутренними перемещениями в последующее время, что мало влияло на

численность населения, но способствовало дальнейшему освоению территории и её культурной консолидации. Местная культура изначально находилась в положении пограничной (порубежной), соседствуя с востока с иноязычными коми-зырянскими традициями.

Территория нижневыхегодской культурной зоны расположена в бассейне нижнего течения реки Вычегды, самого крупного притока реки Северной Двины. На севере она граничит с бассейном рек Малой Пинежки и Выи, притоков Пинеги и бассейном Вашки, притока Мезени; на юге — с бассейном Лузы и её притока Летки; на юго-западе — с бассейнами рек Юга и Сухоны, при слиянии образующих

Малую Двину; на западе ограничивается правобережьем Северной Двины до Красноборска; на востоке граничит с бассейном притока Вычегды — Выми.

Мы полагаем, что нижней границей исторической памяти и временем, когда начал формироваться нижевычегодский фольклорный центр, является период XVI — XVII вв. — время возникновения и расцвета на этой территории города-посада Сольвычегодска, а затем Яренска. Несомненно, с самого начала Вычегодский край тяготел к крупнейшему культурному центру на северо-востоке Руси — Великому Устюгу, известному ещё с летописных времён. Великий Устюг в административном, торгово-экономическом, церковном и культурном отношении прочно занял позицию центра «восточной страны» в ряду других местных севернорусских центров, таких как Вологда, Архангельск, Каргополь, Шенкурск, Вельск и др.¹

На Севере сформировалось сословие государственных крестьян, называвшихся до XIX в. черносошными. В начале XIX в. в Сольвычегодском уезде появились удельные крестьяне, принадлежавшие царской семье. Черносошные крестьяне издревле были юридически свободными, в своей хозяйственной деятельности самостоятельными и независимыми².

На этапе формирования местной историко-культурной зоны структурообразующую функцию взял на себя посад Соль Вычегодская, а позднее, частично, «Еренский городок» (Яренск) как административные центры восточной части территории нижевычегодской историко-культурной зоны.

Так внутри нижевычегодской традиции была заложена тенденция деления её на субрегиональные очаги.

На основании позднего фольклорно-этнографического материала (полевых записей второй половины XX в.) можно выделить четыре таких очага: устье Вычегды, охватывающее территорию Сольвычегодска и Котласа (ныне Котласского

района) до Рябовского сельсовета, устье Виледи (ранее — Чакульская волость, в советское время — Рябовский сельский совет), Яренский (Ленский) район, расположенный выше по Вычегде, и Виледь (Вилегодский район)³.

Занятия и быт крестьян Вычегды в целом не отличались от занятий и быта большинства населения Вологодской и соседних с ней губерний. Традиционно основными занятиями вычегодского крестьянина вплоть до XX столетия считались земледелие и скотоводство. Именно земледелие и отчасти скотоводство регулировали жизненный уклад человека в годовом цикле.

Ведение крестьянского хозяйства имело явное гендерное разделение. При этом женский труд был более тесно связан с домом и носил характер повседневного. Работа по дому обозначалась специальным понятием «обряд», «обряжаться». Мужчины, несмотря на то что мужские руки требовались в домашнем хозяйстве постоянно, были менее привязаны к дому. Посевная, сенокос, чистка леса для посевных площадей, уборка урожая, строительство дома — все эти важные хозяйственные заботы позволяли считать мужчину хозяином дома и главой семьи. Вместе с тем традиционный статус и забота о семейном благополучии заставляли мужчин довольно часто бывать вне дома, не считая таких традиционных промыслов, как рыболовство и охота.

Женщина репродуктивного возраста в своих повседневных бытовых заботах была почти лишена досуга⁴, за исключением немногих праздничных дней в году. Свободное от работы время у незамужних девушек было также ограничено. Мужчина был менее привязан к домашнему хозяйству благодаря своим частым отлучкам из дому и праздникам, в которых он был едва ли не главным участником застолий и народных гуляний.

Аналитическое описание нижевычегодской традиции — это ключ

¹ В целом это подтверждает теорию Н. Лумана о значении оппозиции центр / провинция в развитии государственности, см.: [Луман 2006, 83–91].

² Основные положения вотчинного землевладения и землепользования были отражены в Судебнике 1589 г. [Судебники 1952, 413, 556, 557].

³ Подробнее см.: [Музыкально-поэтический фольклор 2014, 10–37].

⁴ Даже на супрадки в долгие зимние вечера женщины брали с собой работу [Иваницкий 1898, 3; Иваницкий 1890, 3].

к пониманию устной традиционной культуры Северной Двины, являющейся историко-культурной «осью» всего Русского Севера. Собрание фольклора на территории нижней Вычегды началось в последней четверти XIX в. и было связано с именами Н. Г. Ордина [Савваитов 1879, 18–19], Н. И. Иваницкого [Иваницкий 1960]⁵, Н. Н. Аруева [Аруев 1928, 11–15]. Изучение музыкального фольклора нижней Вычегды связано с именем Е. В. Гиппиуса⁶. В 1973–1974 гг. в Ленском и Вилегодском районах побывали студенческие экспедиции Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова⁷, а в 1980–1990-е гг. работа была продолжена сотрудниками и студентами Сыктывкарского университета, Российской академии музыки им. Гнесиных, Сольвычегодского историко-художественного музея.

На основании полевых материалов можно констатировать довольно значительный запас традиционной памяти местного населения, что привело к своеобразному «минимализму» местных культурных традиций. Сумма традиционных знаний укладывается в общепринятый, стандартный и весьма ограниченный набор обрядово-ритуальных практик и фольклорных текстов, репрезентирующих культуру большинства и представляющих культурный «ресурс» традиции, способный только завести механизмы самоидентификации и самосохранения социума.

Обрядовая деятельность крестьянского социума на Вычегде была сосредоточена главным образом вокруг ритуалов и магических практик жизненного цикла, центральное место среди которых занимала свадьба.

Свадебный обряд нижней Вычегды представляет собой одну из локальных версий севернорусского типа ритуала, который характеризуется доминированием эпизодов, связанных с инициационным переходом невесты в новую социовозрастную группу.

Особенности музыкального кода ритуала и соотношение его музыкальных жанров (песен и причетов) позволили исследователям выделить два вида северной свадьбы: причетный и причетно-песенный [Ефименкова 2008, 40–41]. С точки зрения музыкальной драматургии нижевычегодская свадьба относится ко второму типу, черты которого были выявлены и описаны Б. Б. Ефименковой в начале 1980-х гг. [Ефименкова 2012, 162–194, 195–216, 217–236, 237–255].

Музыкальный код этого типа ритуала характеризуется доминированием песенных форм, отсутствием или единичностью групповых причетов и оппозицией сольных плачей прощальным песням. Важным типологическим признаком причетно-песенной свадьбы служит также преобладание в довенечной части обрядового действия напевов определённых музыкально-ритмических форм, сочетающих в себе черты как групповых причетов, так и прощальных песен.

Признаки, сформулированные Б. Б. Ефименковой, оказываются в полной мере справедливыми и для музыкальной характеристики нижевычегодской свадьбы. Обширный корпус местных напевов прощальной функции (песен и групповых причетов) монолитен с точки зрения их ритмической структуры. Все они могут быть рассмотрены как версии одного ритмического типа, в числе характеристик которого: неравномерно сегментированная форма ритмического периода и опора на восьми-девятислоговой тонический стих. Гомогенность пласта прощальных песен подчёркивается и наличием общих поэтических текстов, координирующихся с несколькими напевами данной группы.

Центральное место в группе занимают напевы, по систематике Б. Б. Ефименковой относящиеся ко 2-му типу класса неравномерно сегментированных форм (названному ею «Соколы»). Лежащая в их основе модель «формируется только на композиционном уровне структуры»

⁵ №№ 31–33, 39, 60, 64, 72, 73, 75, 97, 109, 110, 122, 124, 127, 130, 156, 159, 165, 174, 195, 196, 199, 210, 216, 222, 226, 230, 231, 264, 267, 268, 281, 286, 300, 364, 368, 377, 391, 405, 491, 492, 494–496, 497, 516, 525, 528, 532, 533, 586.

⁶ В 1926 г. Е. В. Гиппиусом было записано около 30 песен от уроженки Яренского уезда А. Эповой. Часть их была издана: «Яренские песни, напетые А. А. Эповой». Л., 1935. В 1970-е гг. учёный работал над собранием «Песни Вычегды-реки», но не закончил его.

⁷ Материалы этих экспедиций частично вошли в издание [Русская свадьба 2000].

(а не на уровне ритмического периода). «Она представляет собой комбинацию двух версий типового периода — с модифицированной и нормативной срединной формулой» [Ефименкова 2000, 166]. По мнению Б. Б. Ефименковой, такая ритмическая структура является одной из базовых для севернорусских свадебных напевов прощальной функции, а также для похоронных причитаний [Ефименкова 2000, 162].

В течение всего периода изучения нижевычегодской свадьбы исследователями обсуждался вопрос о наличии в регионе плачевой традиции и о формах её воплощения. К началу 1970-х гг. она уже угасла, и собирателям удалось записать лишь небольшое количество более или менее протяжённых фрагментов сольных причетов. Высказывания народных исполнителей дают возможность утверждать, что ранее на Вычегде существовали профессиональные вопленицы — *бабушки*, которые причитали от лица невесты, а нередко и её родственниц. Ср.: «*Причитает бабушка, когда невесту сажают под грядки, после покрыванья*» (Ленский р-н, дер. Лопатино Иртовского с/с) [ФК. Ф. 1333–2]; «*Причитает бабушка утром второго дня свадьбы*» (Ленский р-н, Ленский Наволок) [ФК. Ф. 1067–22]; «*Бабушка причитает перед отъездом невесты к венцу*» (Ленский р-н, дер. Бор Суходольского с/с) [ФК. Ф. 1067–62].

Имеющиеся в архивах записи сольных причетов не дают возможности сделать однозначные заключения об их мелодико-ритмической организации. Среди них есть напевы с мобильными параметрами структуры⁸, обнаруживающие черты как сегментированных, так и цезурированных форм. Они зафиксированы преимущественно на Виледи и недалеко от устья Вычегды, в Котласском районе.

В Ленском районе, по-видимому, преобладали сегментированные сольные причеты стабильной формы, имеющие в основе восьми-девятислоговой стих. Благодаря своей структуре они органично входят в группу музыкально-поэтических текстов прощальной функции. Их отличительной чертой можно считать достаточно широкий амбитус напевов,

доходящий до сексты и септимы, вследствие чего в мелодической линии появляются квартовые ходы, нехарактерные для севернорусских причитаний.

Дискуссионным остаётся вопрос о существовании в исследуемом регионе групповых свадебных причетов. Народные исполнители (а вслед за ними и собиратели) не выделяют эти музыкально-поэтические тексты из круга других, по отношению к ним не существует особых терминов. Основаниями для выделения их в особую группу свадебных музыкально-обрядовых текстов могут служить особенности их поэтики и мелодико-ритмической структуры напевов. Поэтические тексты излагаются от лица невесты и содержат характерные плачевые формулы; напевы имеют не строфическое, а стиховое строение. Кроме того, в Ленском и Котласском районах они выделены в кругу других хореической слоговой ритмикой. Можно говорить о существовании в нижевычегодском регионе двух политекстовых напевов групповых причетов. Первый зафиксирован в Рябовском с/с и ниже по Вычегде — в Котласском районе. Второй, по-видимому, охватывал всю территорию Вилегодского района, а после впадения Виледи в Вычегду распространялся далее по территории Котласского района, в котором, таким образом, оба напева сосуществовали в ритуале с разными текстами.

Особую роль в группе музыкально-поэтических текстов прощальной функции играют песенные напевы стихового строения, по рисунку слогового ритма приближающиеся к групповым причетам. Занимая промежуточное положение между песнями и причетами, они объединяют весь корпус прощальных напевов в единое целое.

Если в довенечной части свадебного ритуала абсолютно преобладают неравномерно сегментированные напевы, то во второй его половине (начиная с приезда жениха со своими родственниками и *бо-ярями*) доминируют напевы равномерно сегментированных форм. Центральный этап свадьбы — *сватанье* — отмечен наибольшей музыкальной наполненностью и сочетанием песен разной ритмической организации.

⁸ Впервые особенности музыкально-поэтических текстов такой структуры были описаны Б. Б. Ефименковой [Ефименкова 2000, 230–245].

Неравномерно сегментированные напевы, по отношению к которым на Вычегде существует термин *опевать* (невесту, сватью, тысяцкого, пивовара и др.), в небольшом количестве продолжают звучать и на застольях в доме жениха в качестве величаний основным участникам ритуала.

Обращает на себя внимание тот факт, что многие прощальные напевы относятся к узколокальным и бытуют лишь в пределах одного-двух сельсоветов. Равномерно сегментированные напевы коммуникативно-обменной функции имеют более обширные ареалы, но эта группа не столь однородна по ритмической организации. На нижней Вычегде насчитывается по меньшей мере пять ритмических типов напевов, обслуживающих данную линию ритуала. Каждый из них существует в двух версиях: с четырёхвременными и с трёхвременными сегментами.

Неравномерно сегментированные напевы этой обрядовой функции зафиксированы только на Виледи в качестве парных величаний жениха и невесты на застольях. Это сближает вилегодские величальные песни с обширной группой приуроченных к местной свадьбе хороодно-игровых напевов, имеющих ту же ритмическую структуру и выступающих в аналогичной функции. Взаимодействие свадебных и хороходных напевов, в целом характерное для многих свадебных традиций Русского Севера, на Виледи оказалось настолько тесным, что заставило некоторых исследователей рассматривать все эти песни как свадебные [Шевченко 1995, 6–32].

Единственный цезурированный напев нижневыхегодской свадьбы, известный с текстом «Как во горнице на столе», записан только на Софроновском, Иртовском и Ленском сельсоветах.

Более мелкое территориальное членение корпуса свадебных напевов возникает при рассмотрении песенной строфики и звуковысотной организации музыкально-поэтических текстов.

В целом, насколько можно судить по существующим публикациям, свадебные песни нижней Вычегды объединяют этот регион, с одной стороны, с песенными

системами вологодско-вятского пограничья (особенно с лузскими), а с другой — с традициями верховьев Северной Двины. Об этом свидетельствуют и набор ритмических типов, и их функции в ритуале, и отчасти корпус поэтических текстов свадебных песен. Эти выводы соотносятся с историческими данными о контактах населения в период формирования местных фольклорных традиций.

Существует ряд признаков, объединяющих субрегиональные версии свадебного обряда. Во-первых, все они относятся к так называемым ночным свадьбам⁹, привлечшим в последние годы внимание исследователей традиционной культуры [Дорохова 2012, 183–195]. Во-вторых, совпадает общий ход ритуала и содержание его этапов. Субрегиональная специфика проявляется в местной терминологии, в детализации обрядовых действий; в наличии дополнительных этапов ритуала.

1. СВАТОВСТВО

• Приход сватов: *жених ходит с приказом* (Лен.).

• Родня невесты едет к жениху смотреть его хозяйство, *смотреть житьё* (Лен.).

• Окончательный договор: *уговоры с рукобильем* (Лен.); совместное богомоленье, во время которого родственники жениха берут с родителей невесты задаток, чтобы не было отказа (Котл.).

2. ДЕВИЧНИК

• В период от сватовства до свадьбы подружки собираются у невесты *дары шить*.

• В Котласском и Вилегодском районах в этот период жених ходил к невесте с гостинцами: *ходил с вистью* (Вилег.).

3. СВАДЬБА В ДОМЕ НЕВЕСТЫ: *сватанье* (Лен., Котл.), *сватаньё* (Вилег.).

• Баня (Вилег., Котл.).

• Хождение родных к невесте за занавесу (Вилег.).

• Встреча жениха и его родных.

• Выход невесты за стол.

• Свадебное застолье.

• Одаривание невестой родных жениха.

• *Прощальный стол* перед отъездом к венцу (Лен.).

• Прощание невесты с ее родом, прощание невесты: *ходят к вину* (Лен.).

⁹ В наименьшей степени черты этого вида свадьбы выражены в котласских материалах, что можно объяснить угасанием традиций и влиянием промышленных центров.

- Покрывание невесты платком.
- Благословление.
- Отъезд к венцу.
- 4. СВАДЬБА В ДОМЕ ЖЕНИХА
- Встреча молодых от венца: *приезд* (Лен.).
- Вождение молодых на подклет.
- Красный стол (Лен., Вилег.).

В Котласском районе этот этап длится два дня. На второй день (после подклета) невеста чешет головы всем гостям, молодые умываются, их связывают полотенцем.

5. ПОСЛЕСВАДЕБНЫЕ ОБЯДОВЫЕ ДЕЙСТВИЯ

- Молодую посылают за водой на следующий день (Вилег.).
- Молодые едут к родителям невесты: *к тёще на блины* (Котл.); *первые гости* (Лен.).
- *Тёща с блинами*: родители невесты едут к молодым (Лен.).
- *Хлибина(-ы)*: родные жениха едут к родителям невесты вечером на третий день (Вилег.).

Свадебный фольклор Вычегды уже на раннем этапе колонизации севернорусских территорий способствовал установлению контактов между отдельными группами славянского населения и организации общего культурного пространства. Наиболее отчетливо этот этап отразился на уровне семейно-обрядовой поэзии (в частности, в существовании множества локальных особенностей в свадебном фольклоре). Системной доминантой нижевычегодской свадьбы является её песенный характер, что отличает её от ряда севернорусских традиций, имеющих ярко выраженный причетный характер. Достаточно насыщенная песенными сюжетами нижевычегодская свадьба (48 сюжетов, зафиксированных в период конца XIX — конца XX в.), в отличие от причетных текстов, даёт основание считать, что свадебный фольклор был диффузным жанровым образованием со времени поселения

славяно-русского населения на данной территории.

Свадебный обряд был принципиально «местным», что отнюдь не значит «архаическим». Более того, песенные тексты нижевычегодской свадьбы как бы очерчивали круг возможных границ в понимании «своего» и «чужого». Степень же некоторого единства или локализации свадьбы в виде трёх-четырёх субрегиональных традиций (Виледь, Яренск, Сойга, Устье, Сольвычегодск) может быть объяснена экстрафольклорными особенностями местного региона — хозяйственными мотивациями местного населения, наличием здесь крупных церковно-православных центров¹⁰.

Первая письменная рефлексия относительно местных брачных отношений появляется ещё в конце XVIII в. А. Соскин писал, что в Сольвычегодске в дни Прокопьевской ярмарки (8 июля по ст. ст.) существовал обычай у окрестных крестьян выставлять невест «на продажу» [Соскин 1997, 68–70].

«Реконструировать» вычегодскую свадьбу можно, опираясь преимущественно на рассказы женского населения региона¹¹.

Именно в таком изложении вычегодская свадьба обретает «целостный» структурно-значимый комплекс традиционной культуры местного «гнезда». Женский текст обретает значимость «своего» текста, т. к. направлен на формирование семейной (родовой) памяти местного населения. Подробность в составлении целостного представления о свадебном обряде по рассказам женщин позволяет реконструировать вычегодскую свадьбу, в частности её песенный репертуар, как «местную эклектику». Следует отметить, что память традиции в этих «женских текстах» не столь глубока (не превышает двух поколений) и напоминает своеобразную мозаику из локальных образов и текстов, бытовавших на территории бывшего Сольвычегодского и Яренского уездов.

¹⁰ Например, о таком влиянии можно судить на том основании, что в деревнях Сойгинского с/с записана насыщенная церковными образами песня «На бережке часовня стояла». Появление подобного сюжета именно в этих местах может быть связано с влиянием существовавшего здесь Спасского Сойгинского монастыря, основанного в XVI в. преподобным Симоном.

¹¹ Все репортажи о свадебном обряде записаны от женщин. Мемораты от лица мужчин крайне редки, а из мужских свадебных текстов можно назвать лишь приговоры дружек, носящие явно игровой характер.

Источники и материалы

Аруев 1928 — *Аруев Н. Н.* Крестьянские свадьбы в дореволюционное время около гор. Сольвычегодска // Записки Северо-Двинского общества изучения местного края. Вып. 5. Великий Устюг, 1928.

Иваницкий 1898 — *Иваницкий Н. А.* Сольвычегодский крестьянин, его обстановка и деятельность // Живая старина. 1898. Вып. 1.

Иваницкий 1890 — *Иваницкий Н. А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения. Вып. 2. М., 1890.

Иваницкий 1960 — Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии / Подг. текстов, вступ. ст. и примеч. Н. В. Новикова. Вологда, 1960.

Савваитов 1879 — *Савваитов П. И.* Об этнографических материалах, собранных Н. Г. Ординым в Сольвычегодском уезде Вологодской губернии // Известия Императорского русского географического общества. 1879. Т. 15. Вып. 1. Отд. 2.

Соскин 1997 — *Соскин А.* История города Соли Вычегодской / Сост. А. Н. Власов. Сыктывкар, 1997.

Судебники 1952 — Судебники XV–XVI в. М.; Л., 1952.

ФА ИРЛИ РАН — Фольклорный архив Института русской литературы РАН.

ФК — Архив Фольклорной комиссии Союза композиторов РСФСР.

Исследования

Дорохова 2012 — *Дорохова Е. А.* Ночные свадьбы: когда день и ночь меняются местами //

Ночь: закономерности, ритуалы, искусство / Ред. — сост. Е. В. Дуков. Вып. 3. М.; СПб., 2012. С. 183–195.

Ефименкова 2000 — *Ефименкова Б. Б.* Ритм в произведениях русского вокального фольклора. М., 2000.

Ефименкова 2008 — *Ефименкова Б. Б.* Восточнославянская свадьба и её музыкальное наполнение: Введение в проблематику. М., 2008.

Ефименкова 2012 — *Ефименкова Б. Б.* Музыкальная культура Русского Севера в научном наследии Б. Б. Ефименковой: К 80-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. И. А. Никитина. М., 2012.

Луман 2006 — *Луман Н.* Дифференциация. М., 2006.

Музыкально-поэтический фольклор 2014 — Музыкально-поэтический фольклор нижней Вычегды (Материалы к Своду русского фольклора) / Сост. А. Н. Власов, Е. А. Дорохова, Т. С. Канева, З. Н. Мехреньгина. СПб., 2014.

Русская свадьба 2000 — Русская свадьба. М., 2000.

Шевченко 1995 — *Шевченко Е. А.* Песенные жанры свадьбы // Традиционный фольклор Вилегодского района Архангельской области (в записях 1986–1991 гг.) / Под ред. А. Н. Власова. Сыктывкар, 1995.

Сокращения

Лен. — Ленский район Архангельской области

Котл. — Котласский район Архангельской области

Вилег. — Вилегодский район Архангельской области

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Власов А. Н. <https://orcid.org/0000-0003-3446-4949>.

Доктор филологических наук, профессор, заведующий Отделом русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН: Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4; тел. +7 (812) 328-19-01; e-mail: andrvlasov@yandex.ru

Дорохова Е. А. <https://orcid.org/0000-0002-2127-0144>

Кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Отдела русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН: 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4; заместитель руководителя Центра русского фольклора ГРДНТ им. В. Д. Поленова: 101000, г. Москва, Сверчков пер., 8, стр. 3; тел. + 7 (495) 621-91-17; e-mail: ekatdorokhova@yandex.ru

WEDDING FOLKLORE OF THE LOWER VYCHEGDA: RITUAL AS A REFLECTION OF TRADITION

ANDREY N. VLASOV

(Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences:
4, Makarova emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation)

EKATERINA A. DOROKHOVA

(Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences:
4, Makarova emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation;
Center for Russian folklore, Polenov State Russian House of Folk Arts, 8–3, Sverchkov side-str.,
Moscow, 101000, Russian Federation)

Summary. *The article contains a brief presentation of some common regional and local ethnographic and folklore features of the Lower Vycheгда wedding in the Russian North. The authors point to its intermediate (“borderline”) position, determining its significance in understanding of the oral traditional culture of the Northern Dvina, which has been the historical and cultural “axis” of the entire Russian North. The amount of traditional knowledge fits into the generally accepted, standard and very limited set of ritual practices and folklore texts representing the culture of the majority, and representing the cultural “resource” of tradition, capable only of establishing mechanisms of self-identification and self-preservation of the society. It emphasizes its gender character as a predominantly “female text”.*

Key words: *wedding folklore, song genres, memory of the place, musical code, collective lamentation, farewell songs.*

References

Dorokhova E. A. (2012) Nochnye svad’by: kogda den’ i noch’ menyayutsya mestami [Night weddings: when days and nights change places]. In: Noch’: zakonornosti, ritualy, iskusstvo [Night: regularities, rituals, arts]. Moscow; St. Petersburg. Issue 3. Pp. 183–195. In Russian.

Efimenkova B. B. (2000) Ritm v proizvedeniyah russkogo vokal’nogo fol’klora [Rhythm in the Russian vocal folklore items]. Moscow. In Russian.

Efimenkova B. B. (2008) Vostochnoslavjanskaya svad’ba i ee muzykal’noe napolnenie: Vvedenie v problematiku [East-Slavic wedding and its musical scope]. Moscow. In Russian.

Kargin A. S. (ed.); Kulagina A. V., Ivanov A. N. (comp.) (2000) Russkaya svad’ba [Russian wedding]. Moscow. In Russian.

Luman N. (2006) Differentsiatsiya [Differentiation]. Moscow. In Russian.

Nikitina I. A. (2012) (ed.) Muzykal’naya kul’tura Russkogo Severa v nauchnom nasledii B. B. Efimenkovoy: K 80-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo [Musical culture of the Russian North in the scholarly heritage of Borislava B. Efimenkova: to the 80th anniversary since scholar’s birthday]. Moscow. In Russian.

Shevchenko E. A. (1995) Pesennye zhanry svad’by [Song genres of the wedding]. In: Traditsionnyy fol’klor Vilegodskogo rajona Arhangel’skoj oblasti (v zapisyah 1986–1991 gg.): issledovaniya i materialy [Traditional folklore of Vilegda district of Arkhangelsk region]. Ed. by A. N. Vlasov. Syktyvkar. In Russian.

Vlasov A. N., Dorokhova E. A., Kaneva T. S., Mekhrengina Z. N. (comp.) Muzykal’no-poeticheskij fol’klor nizhnej Vycheгdy [Musical-poetical folklore of the Lower Vycheгда]. St. Petersburg. In Russian.

ABOUT THE AUTHORS

Vlasov A. N. <https://orcid.org/0000-0003-3446-4949>.

E-mail: andrvlasov@yandex.ru

Tel. +7 (812) 328-19-01

4, Makarova emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Grand PhD (Philology), professor, head of the Department of Russian Folklore

Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences

Dorokhova E. A. <https://orcid.org/0000-0002-2127-0144>

E-mail: ekatdorokhova@yandex.ru

Tel.: +7 (812) 328-19-01

4, Makarova emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

PhD (Arts), senior researcher, Department of Russian Folklore, Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences

Tel.: +7 (495) 621-91-17

3-8, Sverchkov side-str., Moscow, 101000, Russian Federation

Deputy director for research, Center for Russian Folklore, Polenov State Russian House of Folk Arts
